

Татьяна Гармаш-Роффе

Властитель женских душ

*Часть сборника
Властитель женских душ
(сборник)*

Татьяна Гармаш-Роффе

Властитель женских душ

«ЭКСМО»

2011

Гармаш-Роффе Т. В.

Властитель женских душ / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-457-05090-7

Все прекрасно в доме знаменитого писателя Жана-Франсуа де Ларю. И дом его прекрасен, и розы в саду прекрасны, а еще прекрасней его молодая жена Марион! Слава, богатство, любовь – казалось бы, что еще нужно человеку для счастья? Однако писатель неожиданно кончает жизнь самоубийством. Поверить в это просто невозможно! Но также невозможно предположить и убийство: ведь никто не входил в его запертый кабинет и никто из него не выходил! Все обитатели дома находились перед запертой дверью, а посторонние никак не могли проникнуть в него ни через окна, ни через дымоход! Что же случилось на самом деле?! За расследование этого загадочного дела берется частный детектив Реми Деллье...

ISBN 978-5-457-05090-7

© Гармаш-Роффе Т. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Татьяна Гармаш-Роффе

Властитель женских душ

Герметичный детектив

Если бы случайному прохожему выпала честь попасть за высокие ворота усадьбы Жана-Франсуа де Ларю, он непременно бы решил, что потерялся в веках. Сначала ему пришлось бы пройти через розарий, поражающий буйством всех оттенков красного, от почти черного, цвета свернувшейся крови, до алого. Кусты разнились по высоте, и создавалось впечатление, что их одуряющая волна набегала на узкую, вымощенную плитами дорожку. Слева и справа розарий огибали мощенные булыжником дороги, предназначенные для машин. Миновав розарий, случайный прохожий вышел бы на просторную площадку (если не считать площадь) перед старинным особняком. Две лестницы из розового мрамора обрамляли чашу фонтана и вели к портику с тремя колоннами, тоже из розового мрамора.

Особняк был старинным, это точно. К какой эпохе его отнести, наш прохожий затруднился бы сказать, только если бы не оказался знатоком архитектурных стилей. Да и какая разница! Дух прошлых веков царил во всем. Даже в правом крыле, где находился гараж машин на пять как минимум. Пусть раньше в нем размещались кареты, не так уж важно; зато чего стоит один только этот парень в униформе с золотыми пуговицами, современный такой конюх, отмывающий до блеска современную «лошадку», нагло-красный «Порше»-кабриолет!

А уж если бы нашему прохожему довелось попасть в дом, то он бы точно потерялся во времени: узорчатый старинный паркет, роскошные бронзовые статуи-светильники, драгоценные вазы по углам, гобелены и картины на стенах...

К счастью для нашего прохожего, его впечатлительность понести никакого ущерба не рисковала, поскольку во владения Жана-Франсуа де Ларю он попасть никак не мог. Еще десятью годами раньше их рьяно охранял сторож, а ныне его заменила электроника.

Так что забудем про прохожего.

Мелани ненавидела запах роз. И сами розы ненавидела. И дом ненавидела. И мрамор, и все эти вазы, светильники, с которых так трудно стирать пыль, во всех их выпуклостях и впуклостях. И хозяйина она ненавидела. И хозяйку. Хозяин был жмотом. Две недели назад Мелани попросила его о прибавке к жалованью: две с половиной тысячи евро в месяц, разве это деньги?¹

Но он, гад, ответил: «Вы забыли посчитать, Мелани, что вы живете в моем доме, за что денег не платите, и питаетесь в нем же. Жилье и еда – это основные статьи расходов любого человека. Так что две с половиной тысячи вам остаются на кружевное белье. Неужели вы действительно находите, что этого мало?»

Как же Мелани его ненавидела!!! Всей своей пролетарской душой. Ведь у него-то не две с половиной, а двести с половиной в месяц (Мелани почему-то так считала, хотя хозяин никогда не обсуждал свои доходы ни с кем), – ну чего бы ему не отстегнуть своей горничной хоть пять тысяч, спрашивается?!

Что же до хозяйки, то тут дела обстояли еще хуже. Красивая пустоголовая куколка, она даже не замечала Мелани. Хозяин, тот хоть и жмот, а все же иногда расспрашивал горничную о родителях, о брате... А эта мимо проходила, словно Мелани была вазой. Или картиной на стенке, которая уже сто лет как примелькалась, и на нее больше не смотря...

¹ Это очень высокая зарплата для домработницы. (Прим. автора.)

Красивые женщины не бывают умными, считала Мелани. А умные, увы, не бывают красивыми... как она сама, Мелани.

Садовник, Этьен, страстно любил розы. Эти дивные творения природы и человеческой изобретательности являлись воплощением красоты и женственности. Они были столь же прелестны, сколь капризны; им требовались внимание и уход, – иначе они хирели, болели и умирали. Но розы намного превосходили женщин в одном замечательном качестве: они умели быть благодарными за внимание и уход. Вот почему всю жизнь Этьен предпочитал иметь дело всерьез с цветами, а не с женщинами. Они не изящны, не утонченны – они грубые и практичные существа, причем страшно занудные... Как его жена, с которой он развелся восемь лет тому назад.

Если бы весь этот так называемый «прекрасный пол» был действительно прекрасен, как его цветы! Или вот как хозяйка, Марион, – нежная, грациозная, всегда веселая, приветливая...

Хозяин, Жан-Франсуа, Этьену ровесник: пятьдесят шесть. Возраст, когда мужской силы еще много, но при этом опыт делает мужчину особенно разборчивым и взыскательным... И он, Этьен, понимал удивление патрона этой дивной розой, Марион. Ее аромат не сравнить ни с одним цветком из его розария: как бы ни были прелестны его розы, Марион еще прелестнее.

Он завидовал хозяину. Конечно, он понимал, что никогда бы не смог дать подобному цветку надлежащего ухода – не по карману ему... Хотя телом Этьен куда стройнее патрона, сильнее, мускулистее. Он сумел бы убажить Марион, которая на двадцать три года моложе! И заботился бы о ней... Бабла у него, конечно, не так много, как у хозяина, но, боже милостивый, хватило бы, чтобы купить ей лучшие тряпки! Он в цене, садовник Этьен. Жан-Франсуа платит ему хорошие деньги, а если что, то Этьен к другому уйдет: его уже не раз пытались переманить! С большей зарплатой!

До сих пор он оставался верен хозяину: холостяку не так уж много нужно. Тем более что хозяин обещал отписать всем своим работникам по проценту от имущества в завещании. А имущество у него такое, что и один жалкий процент – это целое состояние! Между прочим, жест весьма щедрый: помножить на пять верных слуг – так уже пять процентов выходит! Остальное красоточке достанется, Марион. Да и племяннику, наверное, секретарю. Конечно, хозяину после смерти все равно будет, кому чего достанется, но другие богачи таких жестов не делают, Этьен это точно знал. Так что патрон у него хоть и не расточительный, но щедрый.

С другой стороны, Этьен ведь ровесник хозяину, и в этом смысле надеяться на то, что он дождется завещания... Впрочем, здоровье Жана-Франсуа оставляло желать лучшего – не то что у Этьена! Садовник проводил свои дни на свежем воздухе, занятый физической работой (чувствуете разницу?!), – тогда как хозяин все больше в кабинете своем сидел, запершись: романы ваял. Расходились они огромными тиражами, откуда у него и такие бешеные доходы. Этьен попробовал почитать один – еле отплевался: все какие-то сентиментальные сопли, рассчитанные на дамочек! Разве уважающий себя мужчина станет писать розовую воду? Тьфу!

Но нет, Жан-Франсуа писал их без зазрения совести. Говорил, посмеиваясь: «Женщинам нужна мечта, и я им ее дарю!» Своей-то жене, Марион, он не мечты дарил, а весьма осязаемую роскошь...

Интересно, любит ли она это вялое существо с вялыми мышцами, нагло врущее в своих книжках дурам-читательницам? Или вышла замуж за его денежки? С виду вроде как любит. Так то с виду... Женщины большие мастерицы любовь изображать. Жена Этьена тоже изображала, пока они женихались...

Кристиан, «вуатюрье»², машинный конюх и возчик, был нечувствителен к аромату, доносившемуся от розария. Он воспринимал лишь запахи бензина, резины, масла. Он только по ним, казалось, мог обнаружить неполадку в одной из вверенных ему машин.

Хозяин неимоверно ценил его дар, и всегда с ним разговаривал о машинах, и спрашивал совета, если что-то вдруг барахлило. И руль доверял только Кристиану. Как-то случилось ему приболеть, так писатель два дня никуда не выезжал и от любой замены своему шоферу отказывался!

А Марион... Что с нее взять, баба и есть баба: никакого понятия! Вот давеча сказала: «Педадь плохо нажимается». А под педалью – обертка от мороженого! Ну что с бабы взять? Одно только – полюбоваться на нее недолго, пока она на тачке выезжает...

Впрочем, Кристиан больше любовался «тачкой», чем женщиной.

Хотя такая женщина, как Марион... Она была, разумеется, ничем не лучше других баб, но только немыслимо красива. Урождаются же такие на свет, откуда только и берутся... Казалось, не от людей родилась, а прямо из мастерской бога спустилась на землю!

Она мешала Кристиану. Она отвлекала его от машин. Она ставила под сомнение его страсть к авто. Она опрокидывала его представления о правильном мироустройстве!

Он ненавидел ее за это. И безумно желал. Ему мерещилось, что если он однажды овладеет этой красоткой, то удовлетворит свою неправильную страсть и тогда сможет с чистой душой, без примеси предательства, вернуться к автомобилям...

Но овладеть Марион он никак не мог. Она принадлежала хозяину.

И он хозяина за это ненавидел.

Еще в доме наличествовали двое мужчин: секретарь и повар. Повар, Жак, был совершенно безразличен к чарам прелестной Марион: ему отбивная из телятины казалась верхом совершенства, изобретенный им соус куда как превосходил по аромату хоть розарий, хоть женщину!

Секретарь же, молодой человек по имени Фредерик, был влюблен в Марион. Однако меру знал: хозяин, Жан-Франсуа, приходился ему дядей, который подобрал юношу, когда скончался его отец (брат писателя), дал ему хорошо оплачиваемое место секретаря, кров и стол. И в завещании обещал облагодетельствовать.

Фредерик был ему бесконечно благодарен за это. Но все равно любил Марион, отчего страдал. Хотя все домашние над ним, романтическим, немножко подсмеивались, так как чувств своих противоречивых он, как ни старался, скрывать не умел...

И, для завершения картины, в дом была вхожа еще одна женщина, Элоди. Она, в отличие от Мелани, являвшейся горничной, – то есть имевшей доступ в личные апартаменты хозяина и его молодой жены, – приходила для так называемой «грязной уборки». То есть она мыла посуду на кухне (крупногабаритные кастрюли и сковороды, которые не влезали в посудомоечную машину), чистила плиту и духовку. На ней же лежала ответственность за уборку в служебных помещениях, как то: кухня, кладовки, прачечная, крыльцо, лестницы. Оно понятно: Мелани одной не справиться с этим огромным домом. Она и так проводит весь рабочий день в заботах о нем.

Элоди не испытывала вообще никаких чувств к хозяевам. Ей было глубоко наплевать на писателя (книжек, любых, она сроду не читала), равно как и на его неприлично молодую красавицу-жену. Элоди деловито выполняла свои обязанности и торопилась уйти домой, где ее ждали муж и внуки, подкинутые детьми. Что сын, что дочь, они особой щепетильностью

² «Вуатюр» – это машина. Стало быть, «вуатюрье» – это тот, кто занимается машинами. (Прим. автора.)

в этом вопросе не отличались, и Элоди постоянно оказывалась с внучатыми младенцами на руках.

Иными словами, у нее было столь много личной жизни, что чужая ее не интересовала. Разве только обещание хозяина завещать всей своей челяди по одному проценту с имущества... Это грозило вылиться в немалые деньги. Которые всегда нужны, не так ли? Впрочем, пока это он еще помрет... Может статься, что Элоди раньше его покинет этот мир!

Вот бы затрахала его молодая жена! Раз – и инфаркт в постели! А что, такое часто случается...

Этот день начинался так же, как другие.

Жан-Франсуа, как обычно, заперся в своем кабинете в девять утра, после легкого завтрака и душа. Теперь он будет ваять свой шедевр до часу дня, это знали все. Расписание давно устоялось и повторялось без отклонений из года в год. Даже с появлением в доме Марион, уже десять месяцев тому, привычки хозяина не изменились.

К часу дня Элоди должна была закончить свою работу и отбыть восвояси: писатель не любил, когда в доме мельтешило много людей.

А Мелани должна к этому времени завершить уборку внизу, поскольку все эти драгоценные вещи доверяли только ей! Элоди не имела права даже пыль смахнуть с ламп – она не заслужила доверия в столь тонких материях! Но Мелани надлежало управиться на первом этаже к моменту выхода хозяина из кабинета (располагавшегося тоже внизу), после чего перейти к уборке наверху, с глаз долой. Хозяин, видите ли, не выносит, когда перед его глазами мотается горничная!

К садовнику Этьену, равно как и к Кристиану, «каретнику», эти условия не имели отношения. У них был свой распорядок, связанный с работой во дворе – никак не с расписанием хозяина.

Зато повара, Жака, это расписание касалось напрямую: в тринадцать ноль-ноль он должен подать обед. Или «ланч», как иногда называл хозяин обед этим английским словом.

Фредерика, секретаря, оно тоже касалось. «Великий писатель» имел обыкновение надиктовывать свои тексты – писать их он гнушался, – и Фредерик должен был править то, что печатала компьютерная программа распознавания голоса. А программа эта – полная дура! Отчего Фредерик тратил уйму времени, приводя текст хозяина в читабельный вид... Но к моменту выхода хозяина из кабинета ему следовало оторваться от работы и составить компанию Жану-Франсуа за ланчем.

Что же до Марион, то она с утра пораньше уже порхала по бутикам и салонам красоты. Но тоже считала своим долгом присоединиться к супругу на ланч. Так что вот-вот должна была появиться. Обитатели дома, как обычно, проводят глазами ее и предадутся мыслям – каждый своим...

В час дня Фредерик вышел из своего кабинетика на втором этаже, потягиваясь и потирая глаза, уставшие от считывания текста на экране компьютера. Спустился вниз. Жан-Франсуа еще не появлялся, и Фредерик, пройдя через столовую, мимо накрытого к обеду стола, отправился на кухню, во владения Жака, где попросил у повара чашку кофе. Получив ее, он уселся на табурет, попивая маленькими глотками горький напиток (подслащенный кофе он не терпел, считая его полным извращением самой идеи кофе).

Минут через десять прилетела Марион. Красивая, оживленная, румяная. Светло-каштановые волосы подобраны и небрежно заколоты, выбившиеся пряди струятся по гибкой шее – картинка!

– Жан-Франсуа еще не выходил?

– Пока нет.

– Странно, он всегда пунктуален... Жак, сделайте мне тоже кофейку, пожалуйста!
Повар запустил машину и через минуту протянул чашечку хозяйке.

– Сегодня прекрасная погода! – сообщила она.

Присутствующие согласились, что отличная. Повисла пауза.

– Как там поживает наш роман? – повернулась Марион к Фредерику. В ее глазах мелькнуло легкое выражение иронии, на мгновение.

– Неплохо, – смутился секретарь.

Он всегда смущался, когда Марион обращалась к нему. Это давно заметили все, даже хозяин. И все над ним беззлобно посмеивались... даже хозяин.

– Скоро дойдете до финала? Вчера из издательства звонили, им не терпится получить в руки очередной шедевр! – улыбнулась она.

В дверях кухни возникла Мелани. Марион отлично чувствовала, что горничная ненавидит ее, но ей это было, по правде сказать, без разницы.

– Скоро, – кивнул Фредерик.

– Хороший роман получается? Муж не дает мне читать, пока не закончит!

– Хороший, – ответил Фредерик. – Как всегда.

«Как всегда». Марион отлично знала, что пишет ее супруг. Это было чтиво, низкопробное по духу, но профессиональное по качеству. И она прекрасно понимала, как к нему относится секретарь... Но произнести такое вслух он никогда не отважится. Равно как и она сама. Дело даже не в том, что не «отважится»... Просто подобные замечания вслух перед прислугой были бы дурным тоном.

– Я очень уважаю моего мужа, – заявила она с неожиданным пафосом. – Он добился успеха и богатства сам, своим трудом! Не крал, не обманывал людей, как все эти бизнесмены-мошенники!

– Согласен с вами, – отозвался секретарь, опустив глаза.

«Не обманывал»? Это как посмотреть... Фредерик лучше всех знал, что Жан-Франсуа продавал читательницам розовые грезы, фальшивые от начала до конца! Он ежедневно набивал текст писателя и видел, как тот правил свой текст, и без того сентиментальный, намеренно добавляя туда лубочные сценки то с домашними животными, то с детьми, а то вдруг брался платица всякие описывать или, к примеру, проблемы со свекровью вставлять в текст, – знал, чем подкупить читательниц! Да, они сами расхватывали его книги, но ведь и в банк-пирамиду люди несли деньги сами! Только создателя финансовой пирамиды ждет уголовная ответственность за обман вкладчиков, тогда как писателя, коммерчески-расчетливо дурящего голову читательницам, почему-то носят на руках... Такая вот странность. Впрочем, критики не устают его ругать. Особую их ярость вызывает тот факт, что Ж.-Ф. де Ларю выпускает по два романа в год. Ни один уважающий себя писатель не ставит свои романы на поток! – кипятятся критики. Это профанация писательского труда! – кричат они. Де Ларю превратил творчество в коммерцию!

Кричат. И что с того? Ничего ровным счетом. Издатель с Жана-Франсуа сдувает пылинки: читательницы раскупают весь тираж каждого нового романа в считанные дни, и типографский станок не успевает допечатывать новые тысячи и десятки тысяч экземпляров.

– Что-то хозяин припозднился сегодня... – заметила Мелани.

– Шедевры требуют времени, – усмехнулся Фредерик.

– Еще бы! – согласилась Марион.

– Ага, романы писать – это вам не машины мыть! – вдруг возник на кухне «каретник» Кристиан. – А мне тоже кофейку сделай, Жак!

– Шедевры денежки приносят, – флегматично заметил Этьен, в свою очередь присоединившийся к компании: для прислуги тоже близилось время обеда. На кухне.

– Из которых он платит вам всем зарплату, – заметила Марион.

– Так разве ж я против? Очень даже хорошо, что зарабатывает и нам платит... Есть уже хочется. Фредерик, когда хозяин выйдет?

По правилам, обед сначала подавался в столовую и лишь потом прислуге.

Все дружно посмотрели на часы: 13:17.

– Мне как-то беспокойно... – произнес Фредерик. – Хозяин никогда так не задерживался... Я ему позвоню, – полувопросительно адресовался он к Марион.

Та повела обнаженными плечами (лето!).

– Ну... Не знаю, может, не стоит ему мешать?

– Я все же позвоню.

И Фредерик набрал на своем мобильном номер Жана-Франсуа.

Все смотрели на секретаря, все прислушивались к тому, что происходит в его трубке.

А в ней раздался железный голос автоответчика. В общем-то, ничего удивительного: когда хозяин работал, он отрезал себя от всего мира. Домашнего телефона в его кабинете не было, а мобильный он попросту выключал.

Двадцать пять минут второго. Беспокойство нарастало.

– Пойду постучу ему в дверь, – поднялась Марион.

Остальные проводили ее глазами. Право «постучать» в дверь имелось только у нее: в доме было заведено железное правило – писателя не тревожить!

Впрочем, вслед за ней поднялся Фредерик. И, чуть помедлив, за ним потянулась прислуга, выдерживая почтительное расстояние.

Кухня располагалась в левом крыле дома. Дальше за ней находились служебные помещения: большая кладовка, не менее большая прачечная, потом площадка с выходом в сад и лесенкой в подвал, а еще дальше – комнаты прислуги. В доме постоянно жили только Мелани и Кристиан, тогда как остальные были приходящими. Фредерик обитал на втором этаже, где находилась и хозяйская спальня. Там же располагался и кабинет секретаря, и еще много разных комнат, по большей части никому не нужных. Жан-Франсуа купил этот дом на свои первые миллионы, когда ему еще и тридцати лет не стукнуло, осуществив давнюю мечту. Он был выходцем из дворянской семьи, но родители его жили весьма скромно: состояние промотал еще их дед. И для Жана-Франсуа приобретение дворянской усадьбы являлось символом восстановления статуса всей семьи...

Кабинет писателя находился в противоположном крыле дома, в правом. Марион стремительно пересекла столовую, затем гостиную, затем «кофейную» (так называл ее Жан-Франсуа, потому что любил именно в ней распивать кофе и крепкие напитки с гостями), затем библиотеку. Кабинет являлся последним жилым помещением с этой стороны: сразу за его стенкой находился огромный гараж, бывшая конюшня, где царствовал Кристиан. Дойдя до двери, она прислушалась. Правда, это было совершенно бессмысленно: все знали, что помещение отделано звуконепроницаемым материалом. Жан-Франсуа наговаривал текст романа в голос, и компьютерная программа печатала его сама. Случалось, – Марион как-то слышала в один из тех исключительных моментов, когда муж пускал ее к себе, – он с программой ругался. «Дура! – кричал муж на программу. – Я сказал: запятая!»

И программа послушно печатала: «Дура, я сказал».

Они тогда еще вместе с Жаном-Франсуа весело хохотали.

Оглянувшись, – Фредерик стоял на пороге библиотеки, за ним, в некотором отдалении, просматривались остальные, – Марион несколько раз ударила изо всех сил кулаком в дверь, которая была также звуконепроницаемой.

Но никакого эффекта, Жан-Франсуа не откликнулся.

Марион барабанила в дверь, пока не отбила себе кулаки. Затем повернулась и посмотрела на Фредерика. Тот, в свою очередь, глянул на часы.

– Полвторого, – произнес он. – Так дядя еще никогда не запаздывал с выходом...

– Но он ведь финал дописывает, – неуверенно проговорила Марион. – Вы сами так сказали... Может, ему требуется лишнее время, чтобы поставить последнюю точку? Тем более что из издательства вчера звонили... По срокам роман должен быть закончен завтра. Договор-то подписан, аванс мужу заплатили, так что они беспокоятся...

– Он бы меня предупредил! – Фредерик подумал. – Ладно, ждем еще десять минут. Если дядя...

Он не договорил и уселся на диван. Марион села в кресло. Прислуга не посмела переступить порог библиотеки и сгрудилась в «кофейной».

...Десять минут показались всем вечностью. Все не сводили глаз с часов – кто с наручных, кто с настенных.

Наконец условленные минуты истекли. И ничего не произошло.

Фредерик снова набрал номер мобильного дяди. С тем же успехом.

Марион подошла к двери, размахнулась, но передумала.

– Найдите что-нибудь тяжелое, – попросила она слуг.

Первым среагировал садовник Этьен. Он выскочил из дома и через несколько минут вернулся с мотыгой.

– Она дерево испортит... – засомневалась Марион. – Это ведь настоящий мореный дуб...

– А вдруг хозяину помощь нужна? – возразил Этьен. – Вдруг у него со здоровьем что?

Марион отступила, и Этьен размахнулся, изо всех сил долбанув по драгоценному мореному дубу тупым концом орудия. Какой бы звуконепроницаемой ни была дверь, не услышать *этот* звук Жан-Франсуа не мог.

Тем не менее никакой реакции не последовало.

– Будем ломать! – заявил Фредерик.

Он был не только секретарем писателя, но в некоторой степени распорядителем дома.

Этьен и Кристиан переглянулись, кивнули друг другу и бросились из дома во двор. Через пять минут они вернулись, каждый притащил из своих владений инструменты. И лом, и молотки, и стамески разных размеров, и даже домкрат.

– Разойдись! – деловито проговорил Этьен, и они с Кристианом принялись выбивать замок.

Через несколько минут замок пал. Дверь поддалась натиску двух мужчин.

Взгляду присутствующих открылся большой письменный стол, изрядно заваленный бумагами. В центре его царил огромный экран компьютера, за которым нельзя было разглядеть хозяина.

– Жан-Франсуа... – слабым голосом проговорила Марион. – Мон шер, ты здесь?

Ответа не поступило. Переглянувшись, народ бросился, давась в проеме двери, в кабинет, к столу...

И сразу же подался назад. Мелани закричала. Мужчины сдавленно воскликнули.

– Что... Что там? – испуганно спросила Марион – она единственная осталась на пороге.

– Там... там...

– Марион, вам нужно отсюда уйти! – нервно проговорил Фредерик. – И все, все уходите отсюда! Быстро, быстро, на выход! Это место преступления!

– Преступ... преступления? – Марион, протиснувшись через бегущих к выходу людей, двинулась к столу.

– Марион, не надо! – закричал Фредерик.

Но поздно. Она уже все увидела. И нож в груди мужа, и потеки крови, и его застывшее лицо...

– Жан-Франсуа, – жалобно проговорила она, – не надо, не умирай! Пожалуйста, не надо, любимый!..

Она кинулась к бездыханному телу. Фредерик схватил ее за руку, желая увести подальше от мертвеца... Но не успел он сделать и нескольких шагов, как девушка упала. К счастью, его хватка смягчила приземление.

– Марион, Марион! – кричал испуганно Фредерик, склонившись к ней.

– Обморок, – констатировала Мелани. – А ну-ка, мужики, взяли ее!

Повар с садовником подхватили девушку и направились прочь из кабинета.

– На диванчик несите! – семенила за ними Мелани. – Подальше отсюда, в гостиную...

– Нет, лучше в спальню! – вмешался Фредерик. – На кровать ее положите!

– Правильно, – согласилась Мелани. – Я пойду нюхательную соль поищу!

– Идите, – закивал секретарь. – Я пока вызову полицию. Этьен, – крикнул он вдогонку садовнику, – как только отнесете Марион, откройте ворота! Кристиан, вы обойдите дом, посмотрите, нет ли где следов взлома. А я осматрю окна изнутри!

Кристиан кивнул и направился к выходу, а Фредерик вытащил свой телефон из кармана.

* * *

Реми разбудил ранний звонок. Не открывая глаз, он нащупал мобильный и быстро нажал на кнопку, чтобы трель не успела разбудить жену Ксению.

– Да? – тихо произнес он, выскальзывая из постели.

– Привет, камрад!

«Товарищем» его называл только один в мире человек: Ив Ренье, комиссар парижской полиции.

Реми прикрыл за собой дверь кухни.

– Что там у тебя? – буркнул он, косясь на часы: восемь утра.

– Фигня у меня, причем полная... Закрытый со всех сторон кабинет, а в нем – труп. Никто не входил, дверь взломали домашние, окна целы. При этом у мужика нож в сердце. Мы весь вчерашний день провели на месте, а догадки ни одной. Ты любишь такие истории, я знаю. И твоя жена обожает. Так что дуйте-ка к нам в Версаль, ребята!

– А кто меня нанимает? – поинтересовался Реми, поскольку являлся частным детективом и работал за гонорары.

– За это не волнуйся. Речь идет о Жане-Франсуа де Ларю, писателе, знаешь?

Разумеется, Реми знал. Не читал, но имя было на слуху. В основном потому, что его ругали в прессе на чем свет стоит. Что не мешало каждому его новому роману расходиться бешеным тиражом.

– Издатель жаждет его последний шедевр, хоть и неоконченный, и готов платить большие бабки, лишь бы поскорее дело раскрыли и позволили изъять из компьютера рукопись...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.